

«...За две недели до спаривания животных нужно начать особенно хорошо кормить, выбирая травянистые, сухие и хорошо проветриваемые луга. После очередного выгула давать овса, чередуя с *Vicia crassa*. Во влажное время добавлять в корм можжевельник и дробленую соль. Только после спаривания можно постепенно возвращаться к прежнему питанию» (с. 55). Луга Ясной Поляны не пустовали для «улады взора», а практически использовались для кормления животных. Будущая мать писателя М.Н. Волконская в своей тетради «О ботанике» отметила выращиваемый в Ясной Поляне горошек мышинный: «...ветви его употребляют как корм для скотины». Это и есть *Vicia crassa*, – все, как во французской книге.

В обеих книгах по овцеводству сохранился забавный вещественный источник, который вносит свою лепту в изучение истории яснополянского овцеводства, – между страницами кое-где сохранились мелкие фрагменты овечьей шерсти в виде отдельных волокон. В ходе размышлений над пометами, «приправленными» овечьей шерстью, возникает очередной вопрос: какие породы овец содержались в яснополянской усадьбе?

Обращает на себя внимание владельческая помета напротив текста: «Некоторые пастухи шерстяным овцам на 2-3 пальца отрезают хвосты, чтобы они меньше цепляли грязь. Но если овцы беременны, или часты сильные ветра с пылью, то это опасно, так как легко занести инфекцию». Владельцы Ясной Поляны озадачивались отрезанием длинных хвостов у овец. Традиционными для территории Тульской губернии являлись овцы романовской породы, выносливые и неприхотливые. Их шерсть шла на валенки, изготовление грубых сукон и пряжу для толстых изделий, в том числе ковров. Но романовские овцы были короткохвостыми и не нуждались в обрезании хвостов. Исследователь Тульской губернии В.А. Левшин отмечал и другие виды: «Порода овец во всей губернии черкасская или малороссийская. Приметно сие по длине их хвостов» [1, с. 283]. У овец этих пород хвосты действительно длинные, – возможно, их выращивали в Ясной Поляне. Но эти неприхотливые овцы не вынуждали бы владельцев обращаться к специальной литературе со столь внимательным прочтением и множеством помет. Французские и швейцарские книги по овцеводству были актуальны при разведении ценных по качеству шерсти тонкорунных мериносовых овец, а также английских, вестфальских, баварских и других длиннохвостых овец, которых уже с середины XVIII века успешно выращивали в усадьбах Центральной России. По Ясной Поляне гуляли мериносы...

Итак, мемориальные книги с владельческими пометами оказались важным историческим источником в изучении развития яснополянской усадьбы. Можно было бы поставить под сомнение факт принадлежности этих книг именно Волконским – в усадебных библиотек книги часто «кочевали» из одной усадьбы в другую по разным причинам. Но и в другой сохранившейся в яснополянской библиотеке книге «La nouvelle école du monde» («Новая школа мира») [2], не имеющей отношения к овцеводству, обнаружены идентичные, характерные владельческие, то есть «родные яснополянские» пометы.

Представленная статья – только попытка профессионального рассуждения, а не констатация фактов. Но это необходимый этап в фондовой работе, где историческим источником в изучении яснополянской усадьбы выступили музейные экспонаты.

1. Левшин, В. А. Топографическое описание Тульской губернии. 1803 год / В. А. Левшин. – Тула : Издательский дом «Пересвет», 2006. – 283 с.

2. La Nouvelle école du monde : Ouvrage nécessaire `a tous les états, & principalement à ceux qui veulent s'avancer dans le monde. – Lille ; Paris, 1764. – Т.1. [4], LII, 324 p.

Ермакова О.К.

КОНТРАКТЫ С ИНОСТРАННЫМИ СПЕЦИАЛИСТАМИ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. КАК ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА*

Исследование процедуры заключения контрактов с иностранными специалистами в динамике XVIII – середины XIX в. с точки зрения документирования этого процесса находится в русле когнитивного источниковедения и выводит на рассуждения об эволюции административного делопроизводства в России в целом. Первостепенной задачей такого исследования является выяснение вопросов: как, в каких условиях и почему возникает тот или иной вид документа –

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 14–18–01873.

потенциального источника. Таким образом, находясь еще на подступах к документу, не касаясь ни его структуры, ни содержания, мы уже погружаем его в поле источниковедческой проблематики. Сама постановка вопроса (зачем, как и почему возникает данный вид документа) является источниковедческой, т.к. имеет своей целью выявление информации об обстоятельствах и мотивациях появления данного социокультурного феномена.

Начиная с эпохи петровских преобразований экономическое развитие государства востребовало значительное количество специалистов – носителей специальных знаний, и эта потребность была, несомненно, масштабней аналогичной в XV–XVII вв. От идеи массового привлечения специалистов как осознанной потребности мы переходим к изучению механизмов контрактования, иными словами, разбираемся с вопросом, какие лица или учреждения занимались наймом, какие требования они предъявляли к потенциальным сотрудникам (контрактуемым) и каким образом они документировали этот процесс. Последнее обстоятельство выводит нас на проблему разработки делопроизводственных и юридических форм контракта. Мы начинаем работать с текстом, осуществляя, таким образом, непосредственное источниковедческое исследование. От формуляра мы переходим к многомерной смысловой наполненности содержания контрактов. С их помощью мы можем исследовать развитие юридических норм в динамике длительного периода XVIII – первой половины XIX в.

Одной из наиболее востребованных категорий иностранцев являлись горные мастера, инженеры, механики и другие технические специалисты. Контракты с иноземцами со стороны государства заключались представителями горного ведомства или российскими консулами и послами за рубежом. Они же документировали этот процесс в своих донесениях, описывая этапы привлечения специалистов, что отражалось впоследствии в протоколах заседаний Берг-коллегии, Генерал-Берг-Директориума, делопроизводственных материалах Департамента горных и соляных дел. Инициатива заключения «условия» (контракта) могла исходить как от российского правительства, так и от самих иностранцев. Желая принять на службу иноземцев, российские представители опрашивали потенциальных контракуемых об их профессиональных знаниях и навыках, а также об их ожиданиях относительно условий найма, после чего принималось решение о подписании договора. В письмах и донесениях тех, кто осуществлял вербовку иностранцев, отражен процесс обсуждения условий контрактов: насколько устраивали иноземцев предложенные «кондиции», какие требования они предъявляли. Зачастую перед продлением контракта они просили о прибавке жалованья или повышении в чине [8, л. 124]. Однако, если иноземец по собственному желанию приезжал в Россию и подавал прошение о принятии его на заводы, прежде чем заключить контракт, его знания и умения проверялись на практике, а «пока он в горных делах искусство покажет» ему выплачивалась определенная сумма денег «на пропитание». В случае, если мастер оказывался «не искусен», на службу его не принимали [8, кн. 193, л. 34; кн. 194, л. 153].

Формуляр контракта, который к середине XIX в. можно считать унифицированным, приобрел свои черты на протяжении длительного периода (начиная с XVIII в.) по мере появления устоявшихся норм и накопления прецедентов, способствовавших складыванию более или менее единого стандарта отношений между государством и наемными иностранными специалистами и юридическому регулированию этих взаимодействий. Изначально контракты с техническими специалистами опирались, во многом, на нормы, существовавшие в отношении иностранных офицеров российского морского флота. Довольно регулярно в источниках, документирующих контрактацию иноземцев-специалистов, встречаются отсылки к «морскому регламенту» [1, л. 1а; 8, л. 123 об.]. Например, когда речь идет о содержании иноземцев «когда кто состарится», а также в отношении вдов и сирот, которым, в соответствии с порядком, установленным Морским уставом, выплачивалась часть жалованья иностранца [5, кн. 4, гл. 4, п. 8, с. 131]. Позже эти нормы, в несколько измененном виде, перешли непосредственно в текст контракта и в XIX в. уже являлись его неотъемлемой частью [4, л. 61–63; 3, л. 2–10; 7, л. 137–139; 9, д. 5592, л. 14 об.]. То же касалось условий денежного обеспечения отъезда иностранных специалистов из России, которые устанавливались по аналогии с нормами, действовавшими в отношении иностранцев, служивших на флоте: «российского морского флота обер- и унтер-офицерам иноземцам, которые отпущены будут во отечество с апщитами, давать жалованье на проезд, хотя и в контрактах их не написано, на два месяца по их окладам» [8, д. 169, л. 42]. В XIX в. специальные пункты контрактов регулируют данный вопрос. Так, в договоре с Дэви-

дом Петерсоном 1820 г. прописано: «на проезд его, Петерсона, до Санкт-Петербурга выдать ему на две лошади прогонные деньги». В более поздних «условиях о службе» указывались конкретные суммы таких выплат. По контракту с механиком Ричардом Джексоном, заключенному в 1846 г., российское правительство обязывалось выдать англичанину триста фунтов стерлингов на проезд его с семейством и провоз имущества в Лондон [9, д. 5592, л. 18 об.].

Вместе с тем, ключевые условия принятия на службу иностранных специалистов вполне определены и составляют неизменную основу контрактов XVIII – первой половины XIX в. К таковым относятся: цель приглашения иноземца (указание должности и/или поручаемых работ), требование о подготовке русских учеников, размер жалованья, обеспечение казенной квартирой, дровами и подводами для проезда к месту службы. Кроме того, оговаривались меры поощрения иностранцев за хорошую службу. В контракте с саксонцем Рудольфом Мааке говорится: «когда дальше свои службы покажет то переменою чина оставлен не будет» [8, л. 124], бергмейстеру Гейденрейху «по объявлении радетельной показанной услуги обещается по достоинству впредь награждение». Перед отъездом Гейденрейха из России в 1731 г. он был удостоен чина обер-берг-мейстера [8, д. 180, л. 82 об.].

Постепенно соглашения обрастают новыми пунктами, что очевидно уже в первой четверти XIX в. Появляются такие условия, как: право на отпуск для поездки на родину в течение срока службы, дополнительные выплаты и пособия от казны (за обучение русских учеников, переработки), освобождение от налогов и рекрутской повинности, права и обязанности относительно перемещений внутри Российской империи, обязательство обеих сторон заблаговременно (за четыре – шесть месяцев) предупреждать о намерении расторгнуть контракт раньше установленного срока, расширенное описание должностных функций. Служебные обязанности западноевропейского специалиста также могли быть прописаны в отдельной инструкции, прилагаемой к контракту. В XIX в. в контракте четко определялось место службы иностранца и, если существовала необходимость в поездках специалиста с одного завода на другой, это прописывалось особым пунктом. В то время как договоры, заключенные в первой половине XVIII в., как правило, предписывали «служить на том месте, где нужда будет», указывалось, что иноземец принимается «на казенные заводы», а затем его могли отправлять на разные заводы: от Олонецких до Нерчинских [см., напр.: 2; 8; 9].

В контрактах первой четверти XVIII в. прослеживается, что некоторые условия давались на усмотрение иноземца. Например, в донесении Сибирского обербергамта о бергмейстере Иоганне Готфриде Гейденрейхе сказано: «Оной бергмейстер по вступлении в российскую службу термина сколько лет должен служить в контракте своем не объявил» [2, л. 56]. Это послужило поводом к отказу в просьбе Гейденрейха «отпустить его во отечество» в 1727 г., тогда как к этому моменту он уже пять лет отслужил на российских горных заводах.

Как правило, контракты все же заключались на определенный срок, в среднем от трех до пяти лет. Однако в царствование Елизаветы Петровны в конце 1740-х гг. иноземцев начинают фактически принуждать к подписанию новых контрактов «на вечную службу». В противном случае, по окончании действующих договоров предполагалось отправлять их на родину, что и произошло с частью специалистов [1, л. 1–3]. Из России с 1747 г. также выезжали вдовы иностранцев [6, с. 96]. Вступить «в вечную службу Ее Императорского Величества» пожелали лишь немногие. По сути, такие контракты ничем не отличались от срочных, в них только прописывалось, что иноземец «принят в российскую службу вечно» [8, л. 124]. Впоследствии практика «вечных контрактов» не использовалась. По желанию иностранец мог вступить в действительную службу, принять российское подданство или же продолжать работать по договору с определенным сроком.

В зависимости от численности приглашаемых иностранных специалистов составлялись коллективные или персональные контракты. Если приезжала большая группа иноземцев, разрабатывались общие для всех условия службы с уточнением некоторых различий, например, в размере жалованья для разных должностей и в зависимости от семейного положения иностранцев [4; 7, д. 146]. Содержательное наполнение контракта варьировалось в соответствии с профессиональной квалификацией человека. Соглашения со специалистами высокого ранга отличаются более детальной проработкой.

К середине XIX в. контракты с иностранными специалистами представляли собой четко структурированный и развернутый текст, включавший до двадцати пунктов. Происходившее на

протяжении XVIII – первой половины XIX в. постепенное усовершенствование формы и наполнение содержания данного вида документа позволяло наемным иностранцам в спорных ситуациях легче апеллировать к контракту, т.к. он укреплялся как гарант их социально-правового статуса. Договоры с иностранцами выступают источниками по социальной истории, если иметь в виду контрактируемых как социальную общность. Контракты обладают и богатым потенциалом для историко-антропологических изысканий, поскольку отражают отношение государства к личности, свидетельствуют о готовности (или неготовности) государства к диалогу с человеком, позиции государства в том, считаться с гражданскими правами или игнорировать их.

1. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). – Ф. 24. Оп. 1. Д. 1253.
2. ГАСО. – Ф. 24. Оп. 12. Д. 33.
3. ГАСО. – Ф. 24. Оп. 32. Д. 782.
4. ГАСО. – Ф. 43. Оп. 1. Д. 8.
5. Книга Устав морской: о всем, что касается доброму управлению, в бытности флота на море. – Санкт-Петербург : при Императорской Академии наук, 1778. – 298 с.
6. Кортина, С. Б. Немецкие специалисты на Урале в XVIII веке / С. Б. Кортина, А. В. Наймушин, А. В. Черноухов // Документ. Архив. История. Современность. – Екатеринбург, 2003. – Вып. 3. – С. 88-99.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 37. Оп. 11. Д. 63.
8. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 271. Оп. 1. Кн. 68.
9. Центральный государственный архив Удмуртской республики (ЦГА УР). – Ф. 212. Оп. 1. Д. 742.

Сакольчык А.Э.
КРЫНЦЫ ПА КАНФЕСІЙНАЙ ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ
КАНЦА ХVІІІ – ПАЧАТКУ ХХ ст.

Працуючы ў рамках дзяржаўнай комплекснай праграмы навуковых даследаванняў па канфесійнай гісторыі Беларусі канца ХVІІІ – пачатку ХХ ст., супрацоўнікамі Інстытута гісторыі НАН Беларусі выяўлены надзвычай багаты фактаграфічны матэрыял. Ён базіруецца на шырокай палітры гістарычных крыніц, геаграфічны спектр якой ахоплівае традыцыйна выкарыстоўваемыя тэматычныя дакументальныя зборы Расійскага дзяржаўнага гістарычнага архіва, Дзяржаўнага архіва Расійскай Федэрацыі, Дзяржаўнага гістарычнага архіва Літвы, Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі, Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі ў Гродна, а таксама вузкасפעцыялізаваныя (архіў місіянераў у Кракаве на Страдаме, архіў Правінцыі Паўднёвай Польшчы ксяндзоў езуітаў у Кракаве і інш.).

У корпусе выяўленых пісьмовых матэрыялаў можна вылучыць некалькі групаў (па відавых найменнях): заканадаўчыя і нарматыўна-прававыя акты; матэрыялы справаводства; дакументы асабістага паходжання; уласна духоўна-рэлігійная (царкоўная) прадукцыя; перыядычныя выданні.

Заканадаўчыя і нарматыўна-прававыя акты. Пасля далучэння тэрыторыі Беларусі, Літвы і Прабоўрэжнай Украіны ўрад Расійскай імперыі сутыкнуўся са складанымі ўзаемаадносінамі паміж канфесіямі гэтай тэрыторыі. Яны патрабавалі пастаяннага ўмяшальніцтва на вышэйшым узроўні і адпаведных заканадаўчых крокаў. У выніку на працягу ХІХ – пачатку ХХ ст. была выпрацавана значная колькасць заканадаўчых актаў, якія выдаваліся ў выглядзе тэматычных зборнікаў дакументаў і ўключаліся ў спецыяльныя юрыдычныя працы [1, 2, 3, 4]. Гэтыя заканадаўчыя зборы ўтрымоўваюць царскія маніфесты, імяныя ўказы, загады і наказы, якія вызначалі статус царквы розных канфесій, яе кіраванне, правядзенне царкоўных рэформаў, прававое становішча духавенства. У цэлым, яны характарызуюць законатворчую дзейнасць органаў дзяржаўнай улады ў сферы рэлігійных адносін фармату дзяржава – царква – вернікі і міжканфесійных зносін па мадэлі царква/царква – вернікі/вернікі.

Аналіз практычнай рэалізацыі ўрадавых законаў на месцах ажыццёўлены на падставе дакументальных калекцый айчынных (мясцовых) архівасховішчаў. Менавіта яны скамплектавалі самую масавую групу даследаваных тэматычных крыніц – матэрыялаў справаводства. Па функцыянальнаму прызначэнню дакументаў у ёй змяшчаецца шэраг падгруп (распараджальная, справаздачная дакументацыя; дзелавая перапіска; уліковыя дакументы; судова-следчыя справы).

У падгрупе распараджальнай дакументацыі неабходна размяжоўваць два яе змястоўна розныя напрамкі: матэрыялы цэнтральных і мясцовых органаў дзяржаўнай улады Расійскай імперыі і матэрыялы органаў царкоўнага кіравання.